

О. А. Волкова, Т. П. Дурасанова, С. Вендт, Б. Чеерз

Домашнее насилие в сельской местности России и Австралии: сравнительный анализ

Одной из наиболее актуальных проблем современных социальных практик стала проблема домашнего насилия: ее изучение, борьба со всеми формами проявления, профилактика.

Домашнее насилие в России получает все большее распространение. Лица, погибшие и получившие телесные повреждения на почве семейно-бытовых конфликтов, прочно занимают первое место среди различных категорий потерпевших от насильственных преступлений: 70-80 % тяжких насильственных преступлений, в том числе 30-40 % убийств, совершается в семье. Причем женщины и дети составляют 70 % всех жертв тяжких насильственных посягательств. Каждый год от рук мужей и сожителей погибают от 10 000 до 14 000 женщин [3], 2 000 000 детей подвергаются физическому насилию, а 5 000 детей уходят из дома из-за ситуации жестокого обращения, причем каждый второй из них никогда больше не возвращается в семью [14]. Согласно статистике МВД, насилие имеет место в каждой четвертой семье в России [17].

В результате все более глубокого проникновения насилия в жизнь семьи разрушается ее нравственность, происходит ослабление связи и преемственности поколений, гуманизма семейного воспитания, порождается детская безнадзорность и беспризорность, дети вовлекаются в потребление спиртных напитков, наркотиков, вовлекаются в проституцию и преступную деятельность. Опираясь на теорию человеческой деструктивности Э. Фромма, отметим: «жестокость разрушает душу и тело, и саму жизнь; она сокрушает не только жертву, но и самого мучителя» [20, с. 28].

Несмотря на то, что образ сельской семьи России как зоны домашнего насилия в российской литературе представлен не достаточно, существуют работы зарубежных авторов, отражающие исторические аспекты проблемы и перспективы ее решения: J.V. Brown «Female Sexuality and Madness in Russian Culture: Traditional Values and Psychiatric Theory» [24]; D. Ransel «Mothers of Mystery: Child Abandonment in Russia» [42]; J. Hubbs «Mother Russia: The Feminine Mith in Russian Culture» [36]; B. Clemens, B. Engel, C. Worobec «Russia's Women: Accommodation, Resistance, Transformation» [27] и др.

В 90-х гг. XX в. в российской науке начали зарождаться исследования, представляющие собой общественную экспертизу современной российской ситуации насилия в отношении женщин. Сюда можно отнести работы Э. Мартыновой «Женщины и насилие» [10], А. А. Горбуновой «Насилие в российской семье: проблемы и последствия» [6]. В книге «Голоса крестьян: сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах» [5] представлены результаты российско-британского социологического проекта 1990-1993 гг. «Социальная структура российского села», проведенного под руководством Т. Шанина, где предлагаются устные истории жизни сельских семей из разных регионов России. В работе Т. Ю. Забелиной «Россия: насилие в семье — насилие в обществе» [19] представлены результаты количественных и качественных ис-

Волкова Ольга Александровна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной работы Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, Балашовского филиала.

Дурасанова Татьяна Павловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры социальной работы Балашовского Представительства Российского государственного университета.

Вендт Сара, PhD, профессор Школы социальной работы и социальной политики Университета Южной Австралии.

Чеерз Брайан, PhD, профессор, директор Центра сельского здравоохранения и общественного развития Университета Южной Австралии.

следований по выявлению осведомленности населения России о насилии в семье/по месту работы/учебы женщин. Это исследование проводилось в 2001-2002 гг. в рамках информационной кампании ЮНИФЕМ в защиту прав женщин «Жизнь без насилия».

В последние десятилетия появились исследования, представляющие собой юридическую рефлексию о насилии как области применения права, например, работы ВНИИ проблем укрепления законности и правопорядка «Насилие, агрессия, жестокость: криминально-психологическое исследование» [12] и С. Н. Абельцева «Социальные детерминанты преступного насилия и криминализация семейных отношений» [1, с.21-27].

Этнографические и гендерные аспекты домашнего насилия в истории России наиболее полно отражены отечественных в работах Н. А. Бердяева [2], Н. Л. Пушкаревой [16], Е. И. Гаповой [4], И. Р. Чикаловой [8].

Итак, к началу XXI в. в российской науке появилась литература, представляющая различные аспекты поднимаемой в данной статье проблемы: жестокость, агрессивность, насилие, жестокое обращение, викарированное поведение. Подобные проявления рассматриваются по отношению к членам семьи, которые в каком-то отношении слабее, к конкретным категориям: детям, лицам с ограниченными возможностями, пожилым, женщинам. Но исследования проблемы семейного насилия проводились безотносительно к сельской местности. Из упомянутого перечня работ становится понятно, что задачи анализа социокультурного контекста сознания граждан, особенно женщин, как субъекта правового регулирования, живущих в сельской местности России, до сих пор не ставились. Работ, посвященных непосредственно исследованию проблем домашнего насилия на селе, в особенности, отражающих явление как историко-этнографическую, социокультурную и гендерную проблему, у российских ученых нет.

В целом утверждается обоснованность существования в российской науке трех групп теорий:

1) индивидуально-психологические, делающие акцент на роли алкоголя и наркотиков как факторов-ускорителей злоупотребления в межличностных отношениях;

2) сексологические теории, интерпретирующие домашнее насилие как проявление женской и мужской сексуальности;

3) социально-психологические, концентрирующие внимание на моделировании ролей, усвоенных под воздействием домашнего насилия;

4) социокультурные, обосновывающие влияние социальных факторов на насилие между партнерами. На наш взгляд, разные теории дополняют друг друга, и сложное явление не редуцируется к какой-то одной причине.

Ученые по-разному трактуют природу насильственных практик в семье. Например, исследование, проведенное в 2003 году И. Горшковой и

И. Шурыгиной, было направлено на изучение того, как общество воспринимает физическое насилие, совершаемое мужьями над женами. Почти половина опрошенных считают: «если муж побил жену, то это их частное дело, в которое никто не должен вмешиваться». Но больше всего сближают людей разного пола, разного возраста, из разных регионов ответы на вопрос: «Как Вы думаете, к кому женщине следует обратиться, если ее бьет муж?». Из множества позиций (милиция, психолог, кризисный центр, родственники, друзья и пр.) около 30 % выбрали ответ: «Ей лучше самой подумать, в чем она виновата» [13].

По мнению А. Пашиной, показательны утверждения о провокации насилия женщиной — это очень удобный миф, который поддерживает само общество. Так, идея провоцирования насилия женщиной приводит нас к постулату о закрытости семьи. Постоянное воспроизведение иерархичных отношений, в том числе домашнего насилия в его грубой физической форме, признается допустимым способом решения возникающих противоречий во имя сохранения патриархатного порядка [13].

Т. А. Клименкова, изучая права женщин в России, приходит к выводу, что женщину угнетает не столько мужчина, сколько патриархатный тип культуры [9, с. 144-189]. Происходит постепенное изменение дискурса проблемы: переход от ее чисто психологического восприятия к более широкому социокультурному аспекту. Постепенно уходит из исследований тезис о том, что насилие против женщин — результат проявления «естественной и не контролируемой мужской агрессивности», чаще всего «сексуальной страсти» [9, с. 144-189].

Директор международного гуманитарного центра «Розрада»

В. М. Бондаровская отмечает, что насилия много в семьях самого разного достатка и социального положения. Для сельских жителей характерно следующее: «с одной стороны, крестьянство, которое является как бы охранной частью общества, бережет обычаи и традиции, очень уважительно относится к женщине» [11]. «С другой стороны, насилие над деревенской женщиной очень четко выражается в дискриминации ее на рабочем месте. То, что доярка должна в четыре утра вставать и пешком переть на ферму, и никто не думает ее везти; то, что женщину посадили на трактор: то, что бригадир стоит и надзирает, а женщины, наклонившись над грядками с бураками, выполняют работу — в этом отношении насилие над женщиной в селе производилось и производится. То есть: тяжелый труд, командные должности — только у мужчин, обязанность только женщины вести приусадебный участок и домашнее хозяйство, устаревшие

технологии работы — вот эти, многовековые, отсталые обычаи и порабощает сельскую женщину» [11, с. 1]. Показательна ситуация в ставропольских селах и поселках. Там проявления патриархальных представлений настолько велики, что к мужчине вообще не предъявляется социальных требований. Он может не работать и говорить, что ему сейчас работать лень, потому что зима и холодно [13].

Член Общественной комиссии при Председателе Совета Федерации по обеспечению равных прав и равных возможностей мужчин и женщин в России Н.П. Золотова выразила уверенность в том, что в России начинают выработываться и осуществляться гендерные стратегии, в том числе в отношении положения женщины в семье [13]. Хотя в сельской местности, по сравнению с городской, достичь каких-либо изменений гораздо труднее, в силу ее специфики.

Сельское население России, которое составляет около 30 % всех жителей страны, традиционно живет в условиях, которые довольно сильно отличаются от городских и оказывают несомненное влияние на более высокий уровень распространенности домашнего насилия. Это более низкий уровень социальной жизни, в том числе и организации социальной работы; тяжелые условия труда и быта; слаборазвитая социальная инфраструктура (плохие дороги, отсутствие надежных источников связи, недостаточное количество учреждений здравоохранения, культуры и образования); недостаточность материальных ресурсов; отставание от городского уровня социального и коммунального обустройства; изолированность и территориальная отдаленность (деревни на огромной территории России часто расположены на большом расстоянии друг от друга); более низкий, по сравнению с городом, образовательный уровень жителей села (это приводит к менее выгодному положению сельской общины при включении ее населения в процесс социального развития); консерватизм и социальная инертность (сельские жители менее мобильны, чем городские, гораздо патриархальнее); отсутствие конфиденциальности и недостаточная анонимность, вызванные тем, что в деревнях все знают друг о друге все; более высокий уровень безработицы по сравнению с городом.

Таким образом, специфика проблем домашнего насилия в условиях сельской местности вызывается рядом причин:

1. ценностными ориентациями, психологией, определенным консерватизмом сельских жителей;
2. социальными условиями жизни, труда, быта и трудностями, порождаемыми этими проблемами;
3. сельской социальной средой, которая в отличие от городской, характеризуется тесными соседскими связями, сохранившимися традициями общинных взаимоотношений, которые не позволяют «выносить сор из избы», обнародовать факты насилия, как на бытовом уровне, так и на правовом, охранно-защитном.

Сотрудники Алтайского Краевого кризисного центра для женщин в партнерстве с НКП «Женский альянс» при реализации Программы «16 дней борьбы против гендерного насилия» отметили, что «склонность к насилию не передается по наследству, она генетически не детерминирована, но ребенок, живущий в семье, где правит жестокость, даже если он непосредственно не подвергался насилию, в 80-90 % случаев, к сожалению, перенимает данную модель поведения от своих родителей и переносит ее в свои будущие партнерские или семейные отношения» [14]. Данные, полученные в результате исследования, проведенного Т. П. Дурасановой и О. А. Волковой в 2002 году на материале малого российского города Саратовской области [14, с. 295-301], подтверждают, что домашнее насилие оказывает негативное влияние на адаптацию и социализацию детей. Жители российской семьи были в основном воспитаны в условиях патриархальной семьи и вследствие этого многое воспринимают как норму.

Особенно часто насилие встречается в том случае, когда жена и дети являются экономически зависимыми [11]. Анализируя данные, представленные в представленной ниже таблице [15], следует также обратить внимание на то, что жительницы села значительно чаще убеждены в том, что за последние 10 лет (то есть в условиях социально-экономического кризиса) уберечься от насилия им стало намного труднее. Возможно, наблюдаемая тенденция обусловлена наиболее резким снижением качества жизни сельского населения (по сравнению с городским), что повлекло за собой обострение социально-психологических проблем субъектов домашнего насилия, а также усиление виктимизации объектов жестокости. Так, 79,3 % сельских женщин считают, что уберечься от насилия стало труднее и лишь 19,5 % отметили, что здесь ничего не изменилось [15].

Тип поселения	Уберечься от насилия		
	Стало легче	Стало труднее	Не изменились
Мегполис	1,5	69,9	28,7
Областной центр	1,7	69,7	28,6
Районный центр	1,6	69,1	29,3
Село	1,1	79,3	19,5

Таблица 1. Мнение женщин из разных типов поселения о том, насколько изменились возможности уберечься от насилия за последние 10 лет, в %

Во многом такие оценки обусловлены тем, что именно в районных центрах и селах насилие со стороны близких распространено гораздо шире, чем в крупных городах. Кроме того, его уровень возрос одновременно с падением уровня жизни сельского населения. Так, 31,7 % жительниц районных центров и 25,0 % жительниц села отметили, что подвергались

насилию дома, в то время как среди женщин из мегаполисов такую ситуацию отметили буквально единицы. Так, 76,8 % всех опрошенных женщин считают себя незащищенными в правовом отношении, в то время как считают, что они защищены, только четверть опрошенных [15]. Как видим, бытовое насилие было, и, по всей видимости, и сейчас остается, атрибутом жизни, прежде всего, «в глубинке» России. Основными его жертвами становятся женщины из наиболее неблагополучных слоев, как с точки зрения их материального положения, так и образовательного уровня. Очень серьезной проблемой для сегодняшней российской действительности является не только сам факт наличия насилия в семьях, но и то, что многие женщины не видят возможности воспрепятствовать этому.

Значительное исследование проблем домашнего насилия в Южной Австралии проведено S. Wendt и B. Cheers.

Из-за скрытой природы домашнего насилия в сельских районах Австралии [21,46] становится затруднительным определение реальной степени распространенности проблемы. Имеющаяся статистика свидетельствует, что в отдаленных от центров поселениях о домашнем насилии сообщается значительно чаще, чем в городах [50]. Например, данные национальных исследований, собранные в 1997-1998 годах в ходе реализации Supported Accommodation and Assistance Program, дают следующую картину: домашнее насилие в крупных городах составляло 2,32 на 1 000 жителей по сравнению с показателем 6,11 в крупных населенных пунктах сельской местности, 3,23 — в других сельских населенных пунктах и 9,85 — в сельских населенных пунктах, значительно отдаленных от крупных городов [50, с. 4]. Однако разница, представленная в данных показателях, реально может быть значительно больше. Некоторые исследования показали, что возможно, полиции о случаях, связанных с насилием, сообщается в сельской местности меньше, чем в городской, и что в сельской местности неофициальный социальный контроль и санкции против сообщения в полицию распространены гораздо больше. Более того, сельские провайдеры услуг предоставляли многочисленные данные, подтверждающие обоснованность и очевидность серьезного уровня домашнего, сексуального и других типов насилия, распространенного среди сельских жителей мелких населенных пунктов. Но о еще большем количестве случаев не сообщается [28, 21, 32, 46].

В Австралии множество исследований были направлены на изучение причин, последствий и динамики домашнего насилия [44, 34, 35, 45, 31, 22, 23, 26]. Однако только пять исследований были проведены в сельской местности. Это обусловлено самими особенностями сельской жизни и теми барьерами, которые заставляют сельских женщин попадать в насильственные отношения. Nolan установил, что «некоторые аспекты сельской жизни, фактически, делают женщин более уязвимыми для домашнего насилия. Эти факторы сталкивают жертв домашнего насилия с реальными трудностями, которые, по-видимому, в некоторых случаях действительно являются непреодолимыми барьерами, не позволяющими наступить окончанию насилия» [40, с. 20].

Австралийские исследования, такие как Rural New South Wales [43, 28, 29, 21, 30], Rural Queensland [40], и Rural South Australia [38, 23], выявили, что факторы, действующие в сельской местности, прочно укрепляют опыт домашнего насилия для женщин сельской местности, что делает их особенно уязвимыми и содействует продолжению насилия. Это включает ненадежное финансовое положение, территориальную отдаленность от густонаселенных центров, изоляцию, недостаток обслуживания и информации, ограниченный доступ к полиции и юридической защите. Исследователи утверждали, что эти различия усиливают для сельских женщин возможность подвергнуться насилию. Эта возможность значительно выше, чем у городских женщин, требования которых не могут игнорироваться, на жалобы которых обязательно следует соответствующая реакция.

Например, некоторые сельские женщины сообщают о финансовой зависимости и не знают, как обратиться в специальные службы (social security payments), как к средству прекращения жизни, основанной на отношениях насилия [28; 23]. Важно следующее: исследователи показали, что финансовая зависимость является особенно трудной для жизни сельских женщин. Право на собственность создает оскорбительные жизненные ситуации, потому что финансовые ресурсы часто вложены в бизнес, так что только небольшое количество денег находится на руках. Женщины сообщают также о затруднительных обстоятельствах, не позволяющих им разрушить семейную или общинную (settlements) собственность [28, 40, 23]. Потребность в конфиденциальности и анонимности, позор обнародования насилия, сплетни в соответствующих социальных сетях также способствуют решениям женщин не обращаться за специальными услугами и за информацией, а тем самым способствовать их доступности [43, 28, 29, 40, 38, 21]. Более того, территориальная отдаленность и изоляция еще больше осложняют трудности женщин в обеспечении обслуживания и помощи в ситуациях насилия; общественный транспорт в отдаленных населенных пунктах часто ограничен [43, 29, 38]. В итоге ограниченность или недостаточная помощь со стороны полиции и системы государственного правосудия для сельских женщин также являются фактором, способствующим их уязвимости в ситуациях, связанных с насилием. В процессе работы полиция в сельских населенных пунктах случайно обнаруживает комплекс различных преступлений, по сравнению с полицией в крупных городах. Часто работа полиции в изолированных и мелких населенных пунктах может быть недоста-

точной, влекущей за собой задержки в реагировании на просьбы женщин о помощи [37, с. 10; 38, с. 47; 21, с.19-20]. Более того, в сельской местности может наблюдаться общая толерантность и снисходительность по отношению к домашнему насилию, так как полиция часто имеет личные взаимоотношения с некоторыми жителями соответствующей местности, включая тех мужчин, которые являются преступниками [29, с. 3; 28, с. 26; 37, с. 151; 39, с.8-15].

Ученые в основном согласны, что фактически нет исследований, направленных на изучение насилия, связанного с имущественными проблемами (farm properties), как отдельной формы насилия, имеющего место в мелких населенных пунктах [33]. Высокая степень насилия против женщин в сельской местности и отдаленных поселениях становится очевидной в литературе, подводящей результаты исследований и содержащей рекомендации для дальнейших исследований. Например, конференция «Положение сельских женщин: научные направления», проведенная в Wagga Wagga в 2002 году отметила следующие изменения в состоянии проблемы: «...исследование оказало влияние на расторжение браков, на разделение ферм, находящихся в семейной собственности, на отношение к насилию по отношению к женщинам, а также на замедленную реакцию о сообщении о случаях насилия против женщин, и на их идентификацию» [41, с. 19].

Немногим ранее австралийские ученые начали исследовать культуру в сельской местности и призывать ее значение, объясняя домашнее насилие, встречающееся в конкретном месте, определенном контексте, что дает возможность делать анализ в комплексе, в различных формах осуществления насилия и в зависимости от значений, приписываемых ему [49]. Это перемещение в сторону изучения культуры конкретных мест было связано с постструктуралистскими подходами, согласно которым, в условиях небольшого села и в особых местностях имеются множественные значения, существующие согласно местным особенностям жизни. Такая перспектива была подвержена критике, так как взгляд на сельских жителей является более одномерным, у них больше сходства, чем различий. В частности, исследование домашнего насилия в рамках феминистского постструктурализма подготовило понимание того, как культуры и идентичности обусловлены в различных селах и как эта обусловленность реализуется в зависимости от особенностей мест и особенностей времени [49]. Это предоставляет возможность понять, как сельская местность, включая сельских жителей и их культуры, закрепляют рефлексию сельских женщин и преступления мужчин в сфере домашнего насилия.

К примеру, последнее исследование S. Wendt [47, 48] в Южной Австралии было направлено на изучение влияния местной культуры на домашнее насилие, в особенности, в сельской местности. Исследование показало, что общепринятые религиозные ценности и верования нуклеарной семьи, связанные с клятвой, данной при заключении брака, были строги и что женщины, согласно им, будто бы «отданные в аренду», ценили семейное достояние и установившиеся традиции. Более того, эти верования прочно укрепляли решения женщин продолжать дальше оставаться в отношениях насильственности, а не предпринимать различные пути поиска помощи для изменения их ситуаций. Из исследования, проведенного S. Wendt и В. Cheers, получается, что «компоненты локальных сельских культур: включая веру, священный долг и постоянство и брака, важность сохранения тайны нуклеарной семьи — идентифицируются как прочно укрепляющие опыт домашнего насилия. Христианское учение и сохранность традиций передаются из поколения в поколение. Каждая женская история показывала, что сельская культура до последнего времени определяла прочность и наделяла силой насилие и вызывала внутренние конфликты между желанием бегства и культурными верованиями и ценностями, которые были интериоризованы» [46, с. 22].

В Австралии начинается изучение того, как домашнее насилие объясняется и практикуется в сельской местности и как местные ценности, верования, привычные и высокоценные жизненные пути прочно укрепляют для сельских людей опыт домашнего насилия [32, 33, 46].

В заключение отметим, что домашнее насилие в Австралии проявляется чаще в сельской местности, чем в городской. Установлено, что при сравнении наблюдается значительная разница и состоит она в том, что домашнее насилие в сельской местности с большей степенью вероятности является не упомянутым, скрытым. Кроме того, исследования, проведенные в Австралии, были валидны в отношении вопросов, связанных с жизнью в условиях домашнего насилия в сельской Австралии; австралийцы — жители сельской местности — отличаются от австралийцев — городских жителей. Когда сельские женщины пытались противостоять домашнему насилию, они сталкивались с различными факторами окружающей их среды [49, с. 30]. Недавнее исследование домашнего насилия в сельской местности Австралии было направлено на познание и подтверждение влияния сельского контекста и разницы между опытом в различных местах. Такое особое внимание к локальным контекстам позволяет сельским жителям говорить об их собственном опыте переживания домашнего насилия и давать характеристику конкретным ситуациям. Это является важным при попытках найти решение ситуаций, связанных с домашним насилием, в собственном социуме. Только теперь в Австралии начались исследования, которые раскрывают домашнее насилие как имеющее свои корни в историческом, социальном, культурном и местном контекстах и позволяют описывать, как и кто в нем живет [25].

Подводя итоги проведенным исследованиям, следует отметить, несмотря на всю специфику стран — России и Австралии, множественность общего в проблеме домашнего насилия:

1. особенности геополитического положения России и Австралии, к которым можно отнести срединное положение между различными цивилизациями, пространственные характеристики «расстояния» и «простора» как атрибуты русской и австралийской ментальности;

2. более высокий уровень семейного насилия в удаленных от крупных городов районных центрах и селах России и сельских поселениях Австралии, где наиболее, чем в городской среде, сохранен патриархальный тип культуры;

3. социокультурные практики, требующие от сельского жителя в обеих странах неразглашения семейных проблем, определенной их закрытости;

4. территориальная отдаленность и в силу этого необеспеченность услугами социальных сервисов;

5. незащищенность потенциальных и реальных жертв домашнего насилия в правовом отношении, недостаточный уровень работы местных правоохранительных органов;

6. элементарная правовая неграмотность жителей села, связанная с их более низким образовательным уровнем по сравнению с городскими жителями;

7. экономическая зависимость жертв от субъектов насилия (в России это чаще всего жилищная проблема, в Австралии — проблемы совместной собственности); этот дискурс наименее исследован учеными и практиками социальной работы.

В связи с актуальностью проблемы возникла необходимость разработки комплексных национальных программ профилактики насилия в семье и оказания помощи его жертвам, которые должны содержать как мероприятия по созданию механизмов социально-правовой защиты, так и мероприятия по работе с общественным мнением. Они подразумевают профилактическую деятельность, социальную поддержку семьи, включение ее в реабилитационные программы и создание необходимых условий по преодолению кризисной ситуации и последующего развития семьи. Предотвращение насилия в семье достигается системой мер по оказанию социальной, психологической, юридической и иной помощи; социальной реабилитации членов семьи; оказание помощи в разрешении конфликтных ситуаций в семье, осуществление социального контроля над поведением членов семьи, совершивших насилие в семье; предоставление убежища пострадавшим от насилия членам семьи [18].

Успешность профилактики насилия в семье напрямую зависит от степени осознания обществом глубины этой проблемы, ее последствий, выражающихся, в первую очередь, в социальном неблагополучии детей и подростков, ухудшении здоровья женщин и детей, снижении работоспособности.

Существующий кризис развернулся на уровне кризиса самих структур социума. Из этого следует, что в сегодняшней ситуации нужно менять именно внутреннюю гендерную систему общества, существенно ориентированную на механизмы насилия. До тех пор, пока мужчины и женщины не сознают, что их патриархальный образ деструктивен, они не видят и необходимости каких-либо изменений в своем отношении к ситуациям насилия.

Литература

1. С. Н. Абельцев Социальные детерминанты преступного насилия и криминализация семейных отношений // Юрид. вестн. Ростов. гос. экон. ун-та. – Ростов н/Д, 2000. – № 2. – С. 21-27.
2. Н. А. Бердяев Судьба России. – М., 1990.
3. Вестник Информационного Центра Независимого Женского Форума. Нет насилию в семье. – 1997. – № 10.
4. Е. И. Гапова Гендерная проблематика в антропологии. – М., 2001.
5. Голоса крестьян: сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах. 1993 // <http://www.ruralworlds.msses.ru/golosa/index.html>
6. А. А. Горбунова Насилие в российской семье: проблемы и последствия // Гендерные отношения в России: История, современное состояние, перспективы. – Иваново, 1999.
7. Т. П. Дурасанова, О. А. Волкова Социальная дезадаптация как следствие жестокого обращения с детьми в семье // Россия в системе глобальных социальных координат: Материалы выступлений II Международного социального конгресса 25 ноября 2002 года; в 2-х т.; Т. 2. – М., 2003. — С. 295-301.
8. Женщины в истории: возможность быть увиденными: Сб. науч. ст.; под ред. И. Р. Чикаловой. – Минск, 2001.
9. Т. А. Клименкова Реализация права граждан на свободу от насилия // Права женщин в России: исследование реальной практики их соблюдения и массового сознания (по результатам исследования в г. Рыбинске Ярославской области на основе глубинных интервью). МЦГИ, Ин-т социально-экономических проблем народонаселения РАН. Т. 2. – М., 1998.
10. Э. И. Мартынова Женщина и насилие. – Красноярск, 1993.
11. Насилие над женщиной — варварство или традиция? Интервью с директором международного гумани-

- тарного центра «Розрада» В.М. Бондаровской. 2006 // <http://www.gender.kiev.ua/anonce2.htm>
12. *Насилие, агрессия, жестокость: криминально-психологическое исследование*; под ред. А. В. Ратинова. – М., ВНИИ проблем укрепления законности и правопорядка. – 1995.
 13. Обзор круглого стола «Общество и домашнее насилие». 2003 // <http://www.owl.ru/content/news/vestnik/p52888.shtml>
 14. Папа, мама я — жестокая семья. Алтайский Краевой кризисный центр для женщин в партнерстве с НКП «Женский альянс». Программа «16 дней борьбы против гендерного насилия». 2006 // <http://www.mter-ra.ru/sos/psychology/articles/>
 15. Перед лицом насилия. 2006 // http://www.fesmos.ru/Publikat/10_Woman%20new%20Russia2002/Woman_rus_9.html
 16. Н. Л. Пушкарева Зарубежная историография вопроса о социальном положении женщин в Древней Руси. – М., 1987.
 17. Региональная общественная организация «Анна». 2006 // <http://www.owl.ru/anna/history.htm>
 18. Республиканская программа «Профилактика и предотвращение насилия в семье» в Республике Бурятия (проект). 2003 // <http://www.owl.ru/content/docs/rus/p52381.shtml>
 19. Россия: насилие в семье — насилие в обществе. Отв. ред. и составитель Т. Ю. Забелина. – М., 2002.
 20. Э. Фромм *Анатомия человеческой деструктивности*. – М., 1992.
 21. Alston M *Violence Against Women in a Rural Context* // *Australian Social Work*. – 1997. – 50 (1). – P. 15-22.
 22. Bagshaw D. & Chung D. *Women, Men and Domestic Violence* // *PADV Commonwealth of Australia*, 2000
 23. Bagshaw D., Chung D., Couch M., Liburn S. & Wadham B. *Reshaping Responses to Domestic Violence – Final Report* // *University of South Australia, Partnerships Against Domestic Violence, Canberra*, 2000.
 24. J. V. Brown *Female Sexuality and Madness in Russian Culture: Traditional Values and Psychiatric Theory*. – Canberra, 1986.
 25. B. Cheers, M. Binell, H. Coleman, I. Gentle, G. Miller, J. Taylor & C. Weetra *Family Violence: An Australian Indigenous community tells its story* // *International Social Work*. – 2006. – 49 (1). – P. 51-63.
 26. D. Chung, R. Kennedy, B. O'Brien & S. Wendt *Home Safe Home - The link between Domestic and Family Violence and Women's Homelessness*, *Partnerships Against Domestic Violence – Coordinated by the Commonwealth Office of Status of Women*. – Adelaide, 2000.
 27. B. Clemens, B. Engel & C. Worobec *Russia's Women: Accomodation, Resistance, Transformation*. – Berkley-Los-Angeles-Oxford, 1991.
 28. L. Coorey *Rural Perspective on Domestic Violence, in Discussion and Resource Kit for use in Rural and Isolated Communities*. *National Committee on Violence Against Women*. – Canberra, 1992.
 29. L. Coorey *Domestic Violence in Rural Areas, in Alston* // *Rural Women – Key Papers Number 1*. – Wagga Wagga NSW, *Centre for Rural and Remote Research*, 1990.
 30. K. Davis, B. Taylor, & D. Furniss *Narrative Accounts of Tracking the Rural Domestic Violence Survivors' Journey: A Feminist Approach* // *Health Care for Women International*. – 2001. – 22. – P. 333-347.
 31. *Family Violence Professional Education Taskforce (FVPET)*. *Family Violence Everybody's Business, Somebody's life*. – NSW Federation Press, 1994.
 32. Hogg R. & Carrington K. *Crime, Rurality and Community* // *The Australian and New Zealand Journal of Criminology*. – 1998. – 31(2). –P. 160-181.
 33. Hogg R. & Carrington K. *Violence, Spatiality and Other Rurals* // *The Australian and New Zealand Journal of Criminology*. – 2003. –36 (3). – P. 293-319.
 34. Hopkins A. & McGregor H. *Working for Change – The movement against domestic violence* // *Allen & Unwin*. – North Sydney, 1991.
 35. Horsfall J. *The Presence of the Past – Male violence in the family* // *Allen & Unwin*. – North Sydney, 1991.
 36. Hubbs J. *Mother Russia: The Feminine Mith in Russian Culture*. – Indiana Univ. Press, 1988.
 37. Knowles J. *Police Culture and the Handling of Domestic Violence: An urban/rural comparison* // *Criminology Research Council*. – Canberra, 1996.
 38. Lovell J. *Changing Attitudes – Rural Responses to Women and Domestic Violence, Report of a Joint Project by the Murray Mallee Women's Health Team and the Women's Health Service for the Adelaide Hills and Southern Fleurieu*. – Adelaide, 1996.
 39. Nicholson D. *Only a Domestic... A rural perspective on police responses to violence against women* // *Women Against Violence*. – 1998. – Issue 4. P. 15-24.
 40. Nolan C. *Domestic Violence in Country Areas of Australia, in Discussion and Resource Kit for use in Rural and Isolated Communities, Office of the Status of Women – National Domestic Violence Education Program, Department of Prime Minister and Cabinet*. – Wagga Wagga, 1992.
 41. O'Hagan R., Alston M., & Spriggs S. *Setting the Agenda for Rural Women: Research Directions Conference Proceedings and Recommendations*. – Wagga Wagga: *Centre for Rural Social Research, Charles Sturt University*, 2003.

42. Ransel D. *Mothers of Mystery: Child Abandonment in Russia*. – Princeton 1988
43. Samyia L. *Rural Women's Access to Services //, Community Welfare Services – a rural focus, Proceedings from a Conference on 4th & 5th February, 1987 at Riverina Murray Institute of Higher Education; ed. Peter Dunn*. – Wagga Wagga, NSW. – 1987.
44. Scutt J. *Even In the Best of Homes – Violence in the Family*. – Victoria: McCulloch Publishing, 1990.
45. Victory M. *For Better or Worse – Family Violence in Australia*. – Victoria: CIS Publishers, 1993.
46. Wendt S. & Cheers B. *Impacts of Rural Culture on Domestic Violence // Rural Social Work*. – 2002. – 7(1). – P. 22-32.
47. Wendt S. *Exploring the Impact of Rural Culture on Domestic Violence*. – Adelaide: BSW Honours Thesis, University of South Australia, – 1999.
48. Wendt S. *Grapevines, Church Steeples, Family History... Stories of local culture and domestic violence in South Australian wine country: Feminist poststructural Understandings, PhD Thesis*. – Adelaide: University of South Australia, 2005.
49. Wendt S., Taylor J. & Kennedy M. *Rural Domestic Violence: Moving towards Feminist Poststructural Understandings // Rural Social Work*. – 2002. – 7(2). – P. 26-35.
50. *Women's Services Network (WESNET). Domestic Violence in Regional Australia – A Literature Review, A Report for the Commonwealth Department of Transport and Regional Services, Partnerships Against Domestic Violence, Transport and Regional Services*. – Wagga Wagga, 2000.